

ИГРЫ В ДОБРО И ЗЛО
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РЕВАНШ

Автор Мария Обатнина

Мария Обатнина

**Игры в добро и зло.
Часть первая. Реванш**

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Обатнина М. Ю.

Игры в добро и зло. Часть первая. Реванш / М. Ю. Обатнина — «ЛитРес: Самиздат», 2013

Сага в шести частях о противостоянии полковника Белова и опасного столичного преступника Алекса Смолина по кличке "Чёрный Ферзь", имеющая абсолютно иную трактовку, нежели одноимённый сериал "Игра", а также полностью раскрывающая не только характеры главных героев, но и в очередной раз доказывающая неоспоримый факт победы добра над злом. Осуждённый на пожизненное заключение в одной из закрытых тюрем России Алекс Смолин каким-то непостижимым образом, одержимой жадой взять у судьбы реванш, оказывается на свободе... Содержит нецензурную брань.

© Обатнина М. Ю., 2013

© ЛитРес: Самиздат, 2013

ИГРА. РЕВАНШ

ГЛАВА 1 ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

«Я не верю в психологию, я верю в сильные ходы.»

Роберт Джеймс Фишер, гроссмейстер

«Какого чёрта?! – подумал Смолин, открывая глаза, тотчас зажмуриваясь от слепящего света.

Жив!» – констатировал он, с непередаваемой тоской во взгляде рассматривая лампу, висящую над головой. Воспоминания нахлынули подобно снежной лавине: дом Белова, пронзительный взгляд заклятого врага, выстрел и тишина. Пока он не понимал, ни того, что с ним произошло, ни, где находится, но сердце лихорадочно билось в его груди, а мозг привычно работал подобно вычислительной машине. Прикрыв глаза, Алексей отчётливо представил до боли знакомое лицо Белова и прошептал сквозь плотно сжатые губы:

– Молись, сука, в кого веришь, я ещё приду!

Ослабевший, но не потерявший былую хватку Смолин, притушив сумрачный блеск глаз чёрными, доходящими до самых бровей, ресницами, прищурившись, обвел комнату мутным расфокусированным взглядом. Он плохо помнил происходящее с ним за последнее время, равно как не знал, сколько провалялся на больничной койке. Память услужливо блокировала цепочку трагических совпадений, все смешалось в одно черное облако, накрыв сознание мрачной грозовой тучей. Смерть Гарика, Ники, арест Круглыйя, все это мертвым грузом давило на сознание Алексея, позволяя безумию взять над ним верх. Он гигантскими темпами сходил с ума, но ничего не мог поделать с этим, или не хотел. После гибели Ники, на месте которой должен был быть он, что-то безвозвратно сломалось у него в душе.

– Белов, сука! – пробормотал Смолин, сжимая руку в кулак. – Ты выиграл лишь раунд, победа в партии останется за мной! Настоящий игрок, даже находясь за чертой невозврата, всегда найдёт силы, чтобы вернуться и начать новую партию! Я выберусь отсюда, способ найду!

Ощупав бинты на шее, Алкесей раздражённо вздохнул, вновь закрывая воспалённые глаза.

«Недолго тебе осталось, Смолин!»

«Пашка... Прости!! Что меня ждёт? СИЗО, суд и вперёд в «Белый лебедь» или какую-нибудь «Сову».

Алексей закрыл глаза, отгоняя нарастающую тревогу.

«Выход там же, где и вход, Алекс!» – вспомнил он слова деда.

«Побег, или из СИЗО, или с зоны. Помощи ждать бессмысленно. Возможно, кто-то из «славянского братства» сдёрнуть меня, но кто? Мирко? Розенкрканц? Зима?»

Смолин стиснул зубы. Отчаянно хотелось курить – пара затяжек настроили бы его на нужную волну, вдобавок ко всему прочему головная боль мешала адекватно мыслить.

«Чёрт, чёрт, сука, шахматист! Это всё из-за тебя!» – Алексей уставился в никуда и стиснул зубы.

«Прав дед, выход там же, где и вход...»

* * *

Новость об аресте Смолина пронеслась печальной чайкой среди всех сопричастных к легионерскому братству. Дмитрий Зимовский, выключив телеканал «НТВ», в задумчивости прошёл по комнате.

«Алекс, Алекс, как же так!»

Подойдя к окну, он распахнул его, вдыхая свежий утренний воздух.

«Что ж, настало время перемен!»

Дмитрий, проведя рукой по вспотевшему лбу, увидел за окном вместо зелёных деревьев, выжжённую солнцем пустыню Джибути.

«Отставить, Зима, слышишь?! Ты должен жить, какого чёрта я корячился и вытаскивал тебя, ну же, Зима, давай, дыши, твою мать, это приказ, вот так... молодца, терпи, будет немного больно...»

Дальше он слышал свой душераздирающий крик, а потом, словно чужими глазами увидел картину, будто кадр из фильма про войну – Алекс Смолин, поступивший в легион под именем Иванов Алексей Иванович, его строгий, требовательный командир на своих плечах оттаскивает раненого Дмитрия с линии огня, а он, находясь в пограничном состоянии между жизнью и смертью, громко стонет от боли.

– Я вытащу тебя, Алекс, чего бы мне это не стоило! Дай мне время, я тебя непременно вытащу.

Круто развернувшись, Дмитрий подошёл к столу, взял сотовый телефон и, набрав номер, произнёс, едва на том конце провода раздался знакомый хрипловатый голос Кристиана:

– Hallo...

Этим же вечером Дмитрий, согласно договорённости, встретился с ней в одном из пригородных пустынных парков. Её кандидатуру он вычислял не особо долго: отец адвокат, сама – натура взбалмошная, эксцентричная, в своих кругах известная, как любовница одного из крупных воров в законе, непутёвая дочь адвоката, не проигравшего ни один судебный процесс, работает медицинской сестрой, словом, то, что надо. Как только худенькая точёная фигурка девушки показалась на аллейке, Зимовский шагнул на неё из темноты, блестя льдистыми акульими глазами.

– Лика?

– Да, – Рязанцева сдержанно улыбнулась.

– Честно говоря, что за тайны? Вы бы ещё в крематории встречу назначили.

– Ценю Ваш юмор, Анжелика, но время – деньги, предлагаю перейти к делу.

Дмитрий протянул ей руку, и девушку, не смотря на свою эфемерную комплекцию, ответила неожиданно сильным, почти, что мужским рукопожатием.

– Как Вы похожи... – Зимовский в упор рассматривал черты лица дочери адвоката, не выпуская руки девушки.

– На кого, простите, – начала терять терпение Рязанцева.

– Не один в один, но невероятная схожесть, просто потрясающе, только цвет волос другой, и рост, Вы совсем дюймовочка.

– Послушайте, – Анжелика поёжилась от холода, выдернув руку.

– Дмитрий, Вы позвали меня для того, что бы...

– Есть работа, Анжелика. Очень серьёзная работа, за которую Вам хорошо заплатят!

– Видите ли, у меня нет недостатка в деньгах...

– А мне говорили, что Вы та ещё перчинка... – задумчиво протянул Дмитрий с явным разочарованием в голосе.

Да, но...

– Работа бывает разной, Лика, точно так же, как и плата за неё.

– Что за работа, скажите конкретно? – голубые с поволокой глаза Рязанцевой смотрели пытливо и прямо.

– Анжелика, для начала ответь Вы действительно любите рисковать?

– Вы же знаете, что да...

– Окей, допустим, сумма в двадцать тысяч долларов Вас устроит? – интимно касаясь губами её уха, прошептал Зимовский, выпрямляясь, довольный произведённым эффектом.

– Господи, ещё спрашиваете. Что нужно делать?

– Всё, что я буду тебе приказывать.

– А именно?

– Сейчас ты всё узнаешь.

– Сразу заявляю – интим не предлагать, – пошутя, полусерьёзно предупредила Анжелика, сдувая со лба непослушную чёлку.

– Уверю, обойдёмся без сексуальных домогательств, чего, собственно говоря, буду требовать и от тебя – никакой самодеятельности, сохранять трезвую голову и не влюбляться!

– Влюбляться? Глупости, в кого? Делать мне больше не чего... Я недавно стала вдовой.

– Знаю, милая, как только ты увидишь его, в мозгу твоём запустится программа ЛЮБОВЬ, так вот я требую, чтобы ты немедленно удалила этот ненужный файл и как прежде продолжала следовать моим инструкциям.

– Господи, прекратите интриговать меня, – нетерпеливо топнула ногой Анжелика, гневно сверкнув глазами.

– Вы что ли тот самый человек, в кого я не должна влюбляться?

– Нет, не я.

– Дмитрий, – Анжелика облизнула губы.

– Прошу Вас, ближе к делу.

– Добро пожаловать в ад, моя красавица! – Зимовский заговорчищески подмигнул.

– Для начала ты должна будешь поменять работу...

* * *

Прошло три дня, как Смолин лежал в больнице при СИЗО №1. Все эти дни превратились для него в один непрекращающийся кошмар, и хотя мозг его не переставал выстраивать всевозможные комбинации побега, надежды таяли, словно весенний снег в половодье. Кошмары и галлюцинации, терзавшие его в последнее время, на время отступили, уступив место глухому раздражению. Он снова и снова задавался вопросом, как смог дать загнать себя в ловушку, позволив Белову переиграть его.

«Ты можешь проиграть лишь один единственный бой, Алекс – своей смерти!»

«Это игра, милый, относись ко всему, как игре, это значительно упростит жизнь!»

«Прав дед, моя партия ещё не проиграна! Надо дать им время. Но что если у них не хватит мозгов выдернуть меня? Тогда что? Пожизненный срок? Из «отстойника» не сбежать, при перевозке тоже не вариант, Белов выстроит кордон охраны, как для президента! Остаётся дожидаться суда!»

– Чёрт... – Алексей мучительно вздохнул, морщась от боли. – Три дня бездействия, три дня...

Смолин закрыл глаза.

«Сон, лучшее лекарство...»

Дверь в палату распахнулась и в сопровождении конвойного вошла миниатюрная голубоглазая медсестра в накрахмаленном халате. Сделав буквально несколько шагов по направлению к постели, на которой лежал пристёгнутый наручниками Смолин, Рязанцева хотела было сказать бодрым голосом «С добрым утром!», но тут Алексей, открыв свои огромные, практи-

чески чёрные, бесовские глаза, и у Анжелики задрожали руки, а ноги от волнения сделались ватными.

Это был самый красивый мужчина, которого ей довелось встречать в своей жизни: правильный овал лица, смуглая кожа, волевой подбородок с едва заметной ямочкой, чёрные брови в разлёт, римский нос, чётко очерченные губы. Но самым удивительным во всём облике, безусловно, были глаза: чёрные, нереальной величины, с длинными, пушистыми, до самых кончиков тёмными ресницами, они затягивали, словно в омут, не оставляя ни малейшего шанса на спасение. Поражало ещё и то, что, даже находясь в больнице при следственном изоляторе, Смолин умудрялся выглядеть властным, высокомерным королём, на чьих губах блуждала снисходительная улыбка.

– Доброе утро, – деревянным голосом пробормотала Анжелика, звякнув медикаментами на подносе. Конвойный, застыв при входе, с мрачным выражением следил за движениями Рязанцевой.

– Сейчас я сделаю Вам укол, а потом поставлю Вам капельницу.

Смолин молчал, пристально глядя на залившуюся румянцем девушку.

– Ника...

– Простите?

– Чёрт... – Смолин пристально рассматривал пуцовую от волнения Рязанцеву.

– Ника...

– Я – Лика...

– Что?

– Меня зовут Анжелика, если коротко, то Лика.

Игла легонько щипнула кожу, но Смолин даже не почувствовал укола, продолжая рассматривать медсестру своими демоническими глазами.

«Насмешка... очередная насмешка судьбы... невероятное сходство.. За что... сука, сука, сука!!!»

Алексей в сердцах дёрнул рукой, прикованной наручником к спинке кровати.

– Не дёргайтесь, – велела Рязанцева, подходя к двери и вкатывая в палату капельницу.

– И постарайтесь не шевелиться.

– Хватит болтать, – одёрнул её конвойный.

– Простите, – кивнула Анжелика, протирая кожу на запястье спиртом.

Лику трясло, словно через неё пропустили слабый разряд тока. Смолин оказался в сотни тысяч раз красивее, нежели на фотографиях, а опасная близость к чуть ли не самому гениальному преступнику за последнее время, что греха таить, возбуждало, мешая девушке адекватно мыслить.

«Не влюбляться, понятно, что именно имел в виду Дмитрий!»

– Потерпите...

Игла проткнула кожу, а тонкие пальцы медсестры стали прилаживать катетер.

– Чёрт, – выругался Смолин, вновь закрывая глаза. Вместо медсестрички он видел расстроенное лицо Ники, держащей на руках сына. Она с укором смотрела на него, а в огромных тёмных глазах застыли кристально чистые слезы. Чувство вины перед ней накрыло Алексея подобно штормовой волне.

«Милая, милая, милая...» – думал он о той, с чьим уходом умерла часть его души.

– Дайте-ка я уложу Вам голову подубобнее, – Рязанцева, отрегулировав скорость падения физиологического раствора, низко склонилась над Смолиным, делая вид, что поправляет ему подушку. Смолин горько ухмыльнулся одной половиной рта, на что Рязанцева вдруг ответила ему заговорческой полуулыбкой.

– Больно? Знаю, ранение очень серьёзное, но ПРИДЁТ ЗИМА, И ВСЁ ПРОЙДЁТ, ВОТ УВИДИТЕ, К ЗИМЕ ВЫ ДОЛЖНЫ БУДЕТЕ НЕПРЕМЕННО ПОПРАВИТЬСЯ!

Взгляд Алексея стал острым, цепким, пронизывающим: он, будто насквозь просвечивал Анжелику, читая её самые сокровенные мысли.

«ЗИМА, ЧЁРТ ВОЗЬМИ, ЗИМА!» – вихрем пронеслось у него в голове.

Облизнув губы, Смолин нахмурился.

«Девка завербованная, значит, братство решило меня сдёрнуть отсюда, прав дед, выход там же, где и вход!»

Глубоко вздохнув, он вперил в неё свои космические, с фиалковым отливом, чёрные глаза.

– Зима, я люблю зиму, – философски ответил он. – Но это замкнутый КРУГ.

– Круг? – память Рязанцевой фиксировала каждое слово подследственного, притворяясь, что поправляет бутылочки с раствором.

– КРУГЛЫЙ, земной шар, говорю, Круглый, а я обречён на бег по кругу.

– Ну, Вы сами Виноваты! – пожала плечами Анжелика.

В глазах Смолина отразилась такая ненависть, что Рязанцева даже поёжилась.

– Ты похожа на мою жену... только шрам у тебя вот здесь...

– Да? – туповато переспросила она, вглядываясь в его расширенный угольный зрачок. – Это я на коньках каталась...

– ... у него тоже жена красивая, правда, красота не вечна..

–

– Оставьте нас! – услышал Смолин знакомый голос.

Белов стоял против солнца, так что Смолину пришлось прищуриться, чтобы сфокусироваться на ненавистном лице.

– Только не долго, больному нужен покой! – попросила медсестра.

– Это опасный преступник. Попрошу без сантиментов, – чеканя каждый слог, припечатал Павел Дмитриевич. Рязанцева, дсестра, пожав плечами, вышла, плотно прикрыв за собой дверь. Повисла напряжённая тишина. Было слышно, как громко стучат сердца заклятых врагов.

– Ну что, дружок, – первым нарушил молчание Белов, – теперь для тебя всё кончено!

– Посмотрим. – процедил Смолин, скользнув по Павлу ледяным рентгеном пронзительных глаз.

– Второй раз у тебя ничего не выйдет. Шах и мат. Ты проиграл. Но скажи мне, где смысл? Ты к этому стремился? Ты разрушил всё, что окружало тебя.

– Заткнись... – процедил Алексей. – По-хорошему прошу, захлопнись!

– Я лично добьюсь, чтобы тебе дали пожизненное.

– Ну-ну, – Смолин цинично цыкнул, прикрыв один глаз, а вторым насмешливо, с провокационной издёвкой, подмигнул полковнику.

– Знаешь, о чём я жалею? – спросил Белов с абсолютно непроницаемым выражением лица.

Алексей молчал.

– О том, что не убил тебя!

– Bravo, Белов, – хмыкнул Смолин, – Bravo! В этом месте шквал аплодисментов! Появился звериный блеск в глазах, чувствую эмоциональный накал до ведённого до точки человека, bravo, как сказал бы Станиславский, ВЕРЮ!

– Ты же умный мужик, Смолин, с твоими-то мозгами мог бы добиться невысказанных высот, а из-за своей гордыни разменял свою жизнь по пятикопеечным монетам, и что теперь, ответь мне, Смолин, что? На твоём счету столько человеческих жизней, что я лично буду добиваться тебе пожизненного срока где-нибудь в «Дельфине» или «Сове», – казалось, Павел Дмитриевич не обратил на язвительный сарказм Алексея, но по тому, как сквозь зубы цедил слова полковник, было ясно, насколько трудно даётся ему этот диалог и каких невысказанных усилий он прилагает, чтобы не отправить оппонента на тот свет своими собственными руками.

– ЛИЧНО, СЛЫШАЛ, СМОЛИН?

– Ты чё пришёл, шахматист? – Алексей облизнул губы, одарив Белова сексуальной ухмылкой.

– Соскучился? Знаю, у нас взаимная любовь.

– Паясничаете всё? Не долго тебе осталось, Смолин, и не таких там ломали, будь уверен.

– Пришёл сообщить, что на «крытке» в тираж меня спишут? – проницательные глаза Алексея отвечали шалым безумием.

– Расслабься, Белов, ты же герой, поймал меня, радуйся.

– Мстить тебя сгубила, Смолин, будь ты чуточку поумнее, ты бы...

– Да пошёл ты, – приказал Алексей низким железным голосом, – вали давай, шахматист, не мешай мне отдыхать!

«СУКА, ДАЖЕ НА НАРАХ УМУДРЯЕТСЯ КОМАНДОВАТЬ!»

Окинув высокомерного Алексея сочувственным взглядом, Павел направился к выходу, но в дверях обернулся, адресуя противнику многообещающую улыбку.

– Увидимся на допросе, Смолин.

Алексей проводил его нахальным бандитским взглядом, но едва лишь за Беловым закрылась дверь, с лица Смолина схлынули все краски, а в глазах появился холодный, расчётливый блеск.

«За всё ответишь, шахматист, за всё платить по счетам будешь! Я убью тебя, Белов, слово даю, убью!»

После разговора с Беловым, Смолин снедаемый злобой, потерял счёт времени. Тошнота подкатывала к горлу, щемящая тоска сдавила грудь словно в тисках, а перед глазами расплывались туманные оранжевые пятна. Кругом мелькали расплывчатые фигуры, размытые лица, лица, где-то вдалеке гремела какофония звуков, мешая ему сосредоточиться на очень важном моменте, который он упустил из виду, что и явилось причиной его недавнего поражения в доме Белова. Тугая повязка на шее сильно мешала, и его натужное дыхание со свистом вырывалось из груди. Застонав, как от зубной боли, Алексей попытался перевернуться на бок, но, увидев своего двойника, стоящего лицом к нему, поморщился, процедив непечатное ругательство.

– Опять ты?

– Я! – Смолин скрестил руки на груди, прислонившись спиной к дверному косяку.

– Чего тебе?

– Ну что, родной, добегался?

– Иди ты, – огрызнулся Смолин, сжав руку в кулак. – Слушай, проваливай, а, советчик хренов.

– Слушал бы меня – не лежал бы сейчас здесь, – на Смоленском-двойнике был надет забрызганный кровью джемпер, чёрные волосы всклокочены, под глазами залегли тёмные круги. – Хорошо, что хоть бронезилет надел.

– Отвали, а, в натуре!

– Ну-ну, – хмыкнул двойник, бесцеремонно присаживаясь на кровать.

– Пошёл ты, родной.

– Думай лучше, где ты допустил ошибку!

– Отстань, а? И без тебя тошно! Башка съехала, глюки мерещатся!

– Ты скажи мне, долго валяться собираешься?

– Повторяю для тупых -пошёл ты!

– Я-то пойду, только сын чёрти где, Круглый в больнице, а Белов прав – ты к ЭТОМУ стремился? Гнить на «пожизненном»?

– Если ты сейчас же не свалишь...

– Тогда что? – усмехнулся Смолин-двойник, дёрнув носом.

– Я выйду отсюда, эта тварь Белов ещё... – прохрипел Алексей, яростно сверкнул глазами.

– Не пори горячку. Всё гораздо сложнее, чем в первый раз. Это тебе не «лепилу» шприцом мочить. Белов выставил кордон охраны, мышь не проскочит. Послушай мой совет! ЗИМА ВСЕ ОФОРМИТ В ЛУЧШЕМ ВИДЕ. Ты же везунчик, родной. Приведи в порядок нервы, перестань накручивать себя, тебе нужны чистые мозги!

– Чистые мозги... чистые мозги... Оставь меня.

– Как скажешь, ты главный!!! Только помни, выход там же, где и вход... – промолвил двойник, растворяясь в дрожащей дымке галлюцинаций Алексея Смолина.

– Выход там же, где и вход...-

Смолин перевёл взгляд на капельницу, замороженный процессом падения капель физиологического раствора.

«Выход и вход... дед... как же так... где я допустил неточность... где...»

* * *

Смолин умел ждать: для него было совершенно не важно, час или два просидеть в засаде, главное, во что бы то ни стало достичь поставленной цели. Он подкрался незаметно, со спины, дождавшись, когда Белов отпустит охрану и поднимется по ступеням в парадное. Мелькнула чёрная тень, и карающая рука судьбы приставила дуло пистолета к незащитной шее ненавистного чекиста.

– Вот и свиделись, шахматист! Не ждал?

– Ты? – удивлённо прохрипел Белов, занеся ногу над новой ступенькой.

– Я обещал, что прикончу тебя.

– Этого не может быть! – в интонациях полковника сквозило удивление. Он опустил ногу, но тот час получил увесистый тычок в спину.

– Стой, не двигайся, тварь! – лязгнул затвором гнева Алексей.

– Ты дьявол, Смолин, как тебе удалось сбежать?

– Это философский вопрос, Белов, – органическим тоном процедил Алексей, – Не время устраивать дискуссию. Шах и мат, ты проиграл, шахматист.

– Чёрт бы тебя побрал!

– Час назад я убил твою жену, Белов! – просто и внятно известил противника Смолин. Полковник дёрнулся как от удара, спина напряглась, а руки непроизвольно сжались в кулак.

– НАТАША!

– Я же обещал отнять у тебя всё! Всё, что тебе дорого! Юля, Артём, его невеста, твоя жена!

– Где Вера.. она жива? – непослушными губами прошептал Белов.

– Такую радость я не предоставлю тебе! – зашёлся кхекающим смехом Алексей, наводящим на мысль о его полном безумии, – Воссоединения семьи на небесах не будет. Я не воюю с детьми. Она будет жить, а ты сдохнешь, сдохнешь, тварь, сдохнешь сука, молись, в кого веришь! – разразился демоническим смехом Смолин, нажимая на курок.

– Мат, это конец, реванш! – сплюнул себе под ноги Алексей, опустив руку с пистолетом, скептически рассматривая кровавые брызги на стене. – Ты проиграл, Белов, хреновый из тебя шахматист.

С приятным шуршанием шин по асфальту подъехал чёрный бронированный «Хаммер». Алексей, круто развернувшись, широким размашистым шагом спустился по ступеням.. Тонированное стекло внедорожника опустилось – сидящий за рулём Круглый коротко просигналил. Без сил плюхнувшись на переднее сидение, Алексей обернулся, пряча торжествующую ухмылку. Младший и Ника, расположившиеся сзади, тепло улыбнулись ему в ответ.

– Трогай, – велел Алексей, откидываясь на сидении, – Дуй к Ежову, мне с ним перетереть кое-какие вопросы надо!

Ласковые руки Вероники Фазановой обхватили его за шею. По телу Алексея разлилась блаженная истома.

Смолин очнулся, бессмысленным взглядом смотрел в потолок, крепко сжав руки в кулак. Разочарование накрыло его с головой. Это был сон, реалистичный, сладостный в своём дьявольском исполнении, но всего лишь сон. Он умудрился заснуть с открытыми глазами.

Алексей прерывисто вздохнул. Мысли хаотично бегали в голове, мешая сосредоточиться на чём-то очень важном. Отчаянно хотелось курить, нет, даже не курить, а жадно втянуть ноздрями щедрую порцию кокаина, тогда, возможно, мозг заработал бы чётче, а в голове прояснилось. Час назад ему поставили новую капельницу, но, к сожалению, для Алексея это было как для слона дробинка. Хотя, видения больше не посещали его, но Алексей понимал, что это всего лишь временное затишье перед бурей.

«Крышу снесло капитально, это диагноз!» – констатировал он, лениво рассматривая жирную чёрную муху, сидящую на плафоне под потолком. Эта муха неимоверно раздражала его, словно являлась причиной всех его бед. Муха, словно в подтверждение его подозрений, самым бесцеремонным образом уселась на нижнюю губу.

«Чёртова сука!» – дёрнул головой Алексей. В забинтованной шее мгновенно запульсировал очаг боли, разум помутился, а дыхание перехватило от злости. «Сука, тварь, тварь!» – выругался, гремя браслетами, Смолин. Муха, с гудением вспорхнула, но тот час вновь уселась на облюбованное место. Алексей смачно плюнул метра на два и муха, обиженно стрекоча крыльями, перелетела к нему на грудь.

– Ну и чёрт с тобой, живи!

Смолин злился на себя, на свою беспомощность, на то, что лежит с тяжёлым ранением в шею, прикрученный ментовскими наручниками к кровати и не в силах даже согнать с лица надоедливое насекомое. К тому же мысли о Нике не давали ему покоя, а тут ещё эта смазливая медсестра, похожая на Фазанову, как сестра – близнец.

«Вот она, расплата. Потерять любимую женщину, единственную, которую любил, и в насмешку получить её зеркальную копию!».

Смолин усмехнулся, вспоминая миндалевидные голубые глаза Лики Рязанцевой.

«Лица и Ника, ирония судьбы!» – Смолин тяжело вздохнул, вновь устремляя рассеянный взгляд в потолок, с тупым безразличием уставившись в одну точку.

* * *

Согласно договорённости, Зимовский и Рязанцева встретились на том же самом месте. Дмитрий поджидал девушку, присев на колченогую, давным-давно разломанную скамейку, а когда Анжелика торопливым шагом приблизилась к нему, то порывисто обнял дочь адвоката, словно перед ним стоял сам Смолин.

- Ну, как?
- Всё прошло гладко, – Лика шмыгнула носом. – Господи, как холодно-то! Значит, слушай. По порядку. ОН ВСЕ ПОНЯЛ!
- ЧТО ОН СКАЗАЛ, он ведь передал мне какое-то послание?
- Передал, – Анжелика засунула руки в карманы куртки.
- «Но это замкнутый КРУГ. КРУГЛЫЙ, земной шар, говорю, Круглый, а я обречён на бег по кругу».
- И всё?
- Что ещё, – приподняла одону бровь Рязанцева. – Потом пришёл Белов, всё, слово-в слово.
- Круг, Круглый... ничего не понимаю... – Зимовский наморщил нос. – Круглыйов, да, Круглыйов Виталий, его друг, находится в СИЗО, вот что...
- Круглыйов? – Лика вздохнула, вспоминая огромные глаза Смолина.
- Круглыйов, ну, конечно, двойной побег, ДА ОН ОБАЛДЕЛ!!!
- Зимовский принялся нервно вышагивать, смешно шевеля бровями как всегда, в моменты напряжённых раздумий.
- АЛЕКС СОШЁЛ С УМА!
- Не поняла, он что, действительно ...
- ДА, ЧЁРТ БЫ ЕГО ПОДРАЛ, СТО ТЫСЯЧ РАЗ ДА! – Дмитрий сплюнул себе под ноги, в бешенстве пнув валяющийся камень.
- ЧОКНУЛСЯ, ОДНОЗНАЧНО, СВИХНУЛСЯ! КАК МЫ ВЫТАЩИМ И ЕГО И ЭТОГО ПРЕСЛОВУТОГО КРУГЛЫЙОВА.... КАК?
- Никак, – равнодушно ответила Рязанцева. – Устрой побег Смолину и всё...
- Нет, – отрицательно мотнул головой Дмитрий. – Так дело не пойдёт, для чего-то ему нужен этот Круглыйов, он же говорил мне, точно, ещё в Джибути говорил, «Круглый, мы со школы вместе!»
- Ну, мало ли, что говорил...
- Алекс хочет, чтобы он соскочил вместе с ним, что же, придётся потрудиться... Деньги, надо как-то узнать, Лика, где деньги!!
- Какие бабки?
- Я уверен, у Алекса где-то схрон, он не такой дурак, чтобы идти к Белову, не припрятав бабки!
- Запуталась...
- Узнай, всё, что сможешь и как сможешь, где схрон, слышишь?
- Да, но...
- НИКАКИХ НО, ЛИКА, Я ПЛАЧУ ЛАВЭ – ТЫ ИСПОЛНЯЕШЬ МОИ КОМАНДЫ.
- Не нужно вовсе на меня орать, – флегматично хмыкнула Анжелика.
- Это всё, больше он ничего не велел мне передать?
- Велел, – фыркнула Рязанцева. – Больше ничего, хотя, стоп, стоп!!! Вот ещё, сказал, что я красивая, и, дословно: «У него тоже жена красивая, правда, красота не вечна...»
- Высушав реплику Рязанцевой, глаза у Дмитрия сделались Круглыми, как пять копеек.
- Нет, Алекс однозначно сдвинулся по фазе!
- Не поняла?
- А, не важно... забей, это уже не твои проблемы...

Звук открываемой двери заставил работающую Наталью Кравцову поднять голову от монитора. Рука непроизвольно потянулась к пистолету, который с некоторых пор она всегда держала при себе. Вскинув «ствол», она напряглась, приготовившись к атаке.

– Наташка, а вот и я!

– ПАША, наконец-то!!! – Кравцова, рванув навстречу мужу, порывисто схватила его за грудки, нечаянно тыча пистолетом в подбородок.

– ПОЧЕМУ ТАК ДОЛГО, ПОЧЕМУ?

– Тихо, родная, успокойся, – Белов разжал руки жены, отбирая пистолет.

– Всё позади, милая, всё позади... – Павел поцелова жене руку. – Умница, Наташка, молодец!

– испугалась, какая к чёрту молодец... – Кравцова усмехнулась.

– Ладно, ты прав, надо как-то отвыкать от жизни в страхе...

– Я сегодня у него был, Наташ, я добьюсь максимального ускорения дела, скоро его закрою туда, откуда ещё ни одному заключённому не удавалось сбежать.

– Паш... Ты... сам не грузись, посмотри, до чего довёл нас этот моральный урод, а ведь мог бы быть хорошим бизнесменом... Так, давай мой руки и садись ужинать.

– Проголодался, зверско! – потирая руки, заявил полковник, усаживаясь за стол. – Что у нас на ужин?

– Тушёный кролик в сметане. – Наталья вытащила из микроволновки тарелку. – Не бойся, Белов, готовила не я!

– М-м, божественный аромат, – потянул носом Павел Дмитриевич, вооружаясь ножом и вилок.

– Белов, что я вижу? Ты снова надел кольцо?

– А, кольцо, да, да, кольцо... Наташка, как ты смотришь на то, чтобы пожениться? – круто поменял тему Белов, прищурившись.

– Ты с ума сошёл, Белов!!!

– Почему бы нет? Лерка обрадуется!

– То есть Вы, Пал Дмитрич, хотите снова накинуть ярмо на шею? – усмехнулась Кравцова. – Подумай, Белов, я же могу и согласиться.

– Сгораю от нетерпения!

– Да ну?

– Наташка, – Павел схватил её за руку и усадил к себе на колени.

– Один раз живём.

– Пашка, – на глаза Натальи навернулись слёзы – Я просто не верю, ты снова надел кольцоюю

– Да, я снова надел кольцо, хотя, развестись это была именно твоя идея... – ухмыльнулся Павел.

– Кольцо, ох, Белов...

– А что, не должен был? Могу снять?

– Я тебе сниму, – крикнула Наталья, запечатывая рот мужа поцелуем.

* * *

– Почему, почему со мной... – гоняла мысли, словно гоночную машину, Анжелика, сжимая руль джипа побелевшими от волнения пальцами.

– Неужели опять, снова и опять, опять и снова, прав отец, беспутная я... так и тянет на криминал, но, Бог мой, до чего хорош... Смолин, Смолин... что, что, Лика, ты снова втюрилась не в того? Это не вор в законе, это матерый убийца, почему я помогаю, деньги? Деньги да... бабки, капуста, лавандосы, хрусты, зелень, как ещё, но деньги у меня есть... бежать, бежать, куда глаза глядят, пока не поздно... Не забыть.. всё, что сказал... не забыть... Второй день прошёл, а я, словно одержимая, Смолин, Смолин, разве можно быть таким красивым, Господи...

В голове Рязанцевой мелькнула спасительная мысль исчезнуть, возможно навсегда, надёжно укрывшись от полыхающих ненавистью тёмных глаз, чтобы не видеть этого осунувшегося лица, не слышать скрежета железного голоса, диктующего свои правила, подавляющего

её разум и волю, но вместо этого она с трепетом вслушивалась в хриплый шёпот, понимая, что увязает в гибельном болоте, именуемом Смолин Алексей Владимирович.

– Господи, что со мной... – она, чертыхнувшись, пронзительно посигналила, чуть не сбив переходящую на красный свет старушку. – Раскрой глаза, бабуся! – рывкнула она и тут же устыдилась своего поступка.

– Вечно со мной одно и то же... – с тоской подумала она, вспоминая последнего мужа. Рязанцева дважды была замужем и оба её избранника имели непосредственную связь с криминальным миром. Первый был известный на всю Москву карточным шулером, не гнушающимся налётами и разбоем, последний, покойный авторитет Краплёный, имел серьёзную группировку в Ростове, и настолько задурил голову Анжелике, что та, по своей женской дурости, вляпалась в одну дурно пахнущую историю, исход которой удалось замять её отцу, адвокату Рязанцеву.

Вот уже несколько лет Рязанцев закрывал глаза на чудачества своего ребёнка, не только потому, что испытывал чувство вины за смерть матери Анжелики, погибшей по его вине, но ещё и потому, что сам был нечист на руку.

Вот и сейчас Лика, вместо того, чтобы носить траур, как и подобает любящей вдове, готова, как в омут с головой, пуститься во все тяжкие. Дьявольское обаяние ещё несколько дней тому назад находящегося в федеральном розыске Смолина, не оставило равнодушной душу девушки, в чьём омуте обитали такие черти, что даже сам Рязанцев порой пугался отрицательной силе, заложенной в Лике, имеющей ангельскую внешность голливудской кинозвезды. Ведь это она, солгасившись на предложение тёмной лошадки Зимовского, уговорив отца устроить ее на работу в тюремную больницу при СИЗО номер один.

– Встречаемся, словно замшелые преступники на окраине заброшенного парка... – Анжелика притормозила, гася габаритные огни и вылезая из внедорожника. Дмитрий, в чёрной косухе, вязаной шапке и потёртых джинсах, уже поджидал её, вертя в пальцах недокуренную сигарету.

– Ну, – не здороваясь, призвал её к ответу Зимовский.

– Баранки гну, – окрысилась Рязанцева. – Для начала, доброй ночи.

– Лика, ближе к делу.

– Послушай, Дмитрий, – Анжелика вздохнула. – Я очень рискую...

– Брось, я тебе плачу – ты выполняешь все инструкции. Что сказал Алекс?

– Ничего утешительного. Делал вид, что флиртует со мной, говорил дословно: «Ты, словно пещела Али бабы, надёжно закрыта от наглого вторжения.»

– Понятно, Алекс не может дать точные инструкции, радуется, что бабки есть, они пригодятся нам, нужна будет пластика, придётся своими ресурсами...

– Дим, – Анжелика прищурилась. – Кто ты?

– Конь в пальто.

– Нет, я серьёзно?

– Робин Гуд, помогающий графу Монте Кристо убежать из темницы.

– Шуточки шутишь...

– Меньше знаешь – крепче спишь.

– Ещё он спросил: «а дети у Вас есть?»

– И что? – стальные глаза Зимовского полоснули Рязанцеву острым, будто бритва взглядом.

– Я сказала, что нет, а он: «А у меня сын!»

– Ясно, Алекс в конце охренел там и усложняет задачу, – Зимовский раздражённо отщёлкнул сигарету.

– Но, постой, причём здесь сын? Он хочет, чтобы мы забрали его сына?

– Разумеется, – Дмитрий взглянул на неё, как на умалишённую. – Я знаю Алекса, он не будет валить из страны без ребёнка.

– Но, как...

– Мордой об косяк, – хмыкнул Дмитрий. – Что-нибудь придумаем.

– Ты один, а...

– Я НЕ ОДИН! – припечатал Зимовский. – ЗАПОМНИ, Я НЕ ОДИН, ТАК ЧТО ВЗДУМАЕШЬ СРУЛИТЬ, ТЫ ЗНАЕШЬ, ЧТО С ТОБОЙ БУДЕТ...

– Вот только не надо меня пугать, – психанула Рязанцева, показав ей неприличный жест. – Я с Вами, до конца, и вовсе не потому, что деньги... ну, не совсем.. то есть...

Анжелика смутилась, кашлянув, на что Дмитрий взвёл глаза к небу.

– Я же просил тебя, предупреждал...

– так получилось, – она виновато улыбнулась.

– Так получилось...

– Теперь, главное, чтобы Алекс не сдвинулся по фазе до окончания суда...

– Он не сдвинется, – с жаркой убеждёностью воскликнула Рязанцева.

Зимовский, усмехнувшись, заговорчищески подмигнул ей, отмечая лихорадочный блеск её подёрнутых стратсью глаз.

– Он сильный, мне ли не знать...

* * *

Последующая неделя прошла в относительном спокойствии. Несколько раз Белов приходил в палату к Смолину вместе с преемником Артема майором Денисовым, но Алексей упорно молчал, только продирающим до печенок взглядом смотрел на полковника, не проронив при этом ни слова. Он словно понимал, что Белов, торжествуя победу, расслабился, вздохнул с облегчением, ведь через день должен был состояться суд.

"Приговор "пожизненное" и в дамки, Алексей Смолин больше ни для кого не будет представлять опасности. Финита ля комедия. А там можно и отпуск взять, да махнуть с Наташкой в Сочи.» – думал Павел Дмитриевич, но каждый раз, глядя в непроницаемое лицо заклятого врага, перед его глазами вставали лица Юли, Артема и Даши, с неммым укором смотрящие прямо ему в душу.

"Ты как никто понимаешь меня, Белов!" – пришли на ум полковника слова Алексея.

"Ошибаешься, – Белов, чеканя шаг, зашел к себе в кабинет и уселся за стул. – Я понимаю одно – не легион сделал тебя таким, а ты сам!" – повел мысленный диалог со Смолиным полковник, в бешенстве сжимая кулаки: даже находясь за решеткой Смолин по-прежнему представлял для него угрозу, устранение которой повлекло бы душевное спокойствие не только для самого Белова, но и для всех членов его семьи.

"Там ты дошел до кондиции, Смолин, но сломался ты гораздо раньше, когда пырнул ножом ни в чем не повинную Иванникову! Гнить тебе теперь на пожизненном, Смолин, хотя, надо было пристрелить тебя, как бешеную собаку. Я ускорю процесс, скоро ты окажешься там, откуда не возвращаются, Смолин!" – полковник сбросил пиджак, повесив его на спинку кресла, и усталым движением взъерошил свои волосы.

– Чай, вот, что приведет в порядок мысли, крепкий чай...

Однако, как не старался Белов, какие усилия не прикладывал, закрытое заседание суда над Чёрным Ферзём состоялось лишь через два долгих месяца...

* * *

Слушается дело.. Смолина Алексея Владимировича...по статьям... Приговаривается к пожизненному заключению с конфискацией.. обжалованию не подлежит...

Алексей, несгибаемый, с прямой, натянутой как струна, спиной, смотрел, как бесцветные губы судьи зачитывали приговор.

"Это не мне конец, это начало конца для тебя, шахматист!" – Смолин миг позволил себе поймать ищущий взгляд полковника и встретится с ним глазами. Кадык нервно задвигался на шее Павла; Алексей с удовлетворением заметил, как заиграли его желваки.

В первом ряду Рязанцев переглянулся со своей дочерью Анжеликой. Та подняла внимательный взгляд сухих блестящих глаз, но Смолин даже не взглянул на нее, выводимый из зала суда в сопровождение конвоя, и уж тем более не заметил притаившегося на последнем ряду мужчину

«ОН ОТВЕТИТ ЗА ВСЁ, ЧТО СДЕЛАЛИ С ТОБОЙ!»... – прошептали его сухие потрескавшиеся губы.

«ЗА ВСЁ!!!»

* * *

– Ну что, как отдохнула– то?-спросил Белов свою дочь, которая только что вернулась из Канады. Они с женой решили устроить Вере маленький сюрприз, и в честь приезда дочки устроили шикарный праздничный ужин.

–Дааа хорошо...-посмотрела она на потолок с улыбкой, и закрыла глаза, вспоминая прекрасный отдых.

-А что так грустно? А??- присоединилась к разговору Наталья, улыбнувшись,-А ну-ка, рассказывай!!-весело попросила она дочь.

Вера взяла яблоко, и, откусив кусочек сказала:

-Ничего не грустно!-ответила она,-Просто устала!

-Это ты отдыхать что ли, устала?-спросил отец,-Во даешь! Я думал, от отдыха люди не устают!-рассмеялся он.

Вера улыбнулась.

-Ну скучновато было там,-с полуулыбкой сказала она, жуя яблоко,-Целый день играю, играю...А дедушка даже не сводит меня никуда!!-

Родители засмеялись.

-Так бабушка же уже старенький!!-улыбнулась мать,-Лень ему идти куда-то!

-Ну и что! Взял бы со мной ходил в зоопарк!!-подняла бровки Вера.

Отец, облизнув ложку от торта, сказал:

-Не переживай, Верочка! Мы с тобой обязательно ходим в зоопарк! И в парк тоже! Куда хочешь! Только с работой управлюсь!

-Пааа... – тихо прошептала Вера, оглянувшись по сторонам.

– Что, принцесса?

–А тот.. Ну с такой страшной фамилией... Смолин.. Он... еще живой??

Павел Дмитриевич обнял Леру за плечи.

-Пааа??-пихнула она его в бок,– ЧТО МОЛЧИШЬ, ОН ЖИВОЙ?.

-Вот что, Верочка знаю, ты всё ещё боишься, он внимательно посмотрел на дочь. – Но уверяю, больше поводов для волнения нет. Смолина посадили в тюрьму.

Он немного слукавил, испытывая странное волнение, а не попытается ли Ферзь снова бежать, когда его будут этапировать в «Чёрный Дельфин».

-Да... Папа.. в тюрьму это хорошо, но вдруг он сбежит, снова придет в школу и на этот раз убьет меня? Вдруг он убьет всех!!! Папа!!! УБЬЁТ ЗА ТО, ЧТО ТЫ ПОСАДИЛ ЕГО!!!- глаза девочки наполнились слезами.

Белов испуганно взял ее к себе на руки. Наталья, сдерживая слёзы, встревоженно посмотрела на мужа.

– Паш,– она развела руками.

-Нет, Лер.. Только не это.. Не плачь, прошу!!-судорожно попросил Белов.

Но Вера уткнулась ему в плечо и всхлипывала.

-Лер..-начал он,– Вера, он повернул ее к себе лицом и посмотрел ей в глаза,-Вера, он в тюрьме! В ТЮ-РЬ-МЕ!!! Вера, он там.. понимаешь..Навсегда. Он ничего нам не сделает, поверь!

Девочка внимательно посмотрела на отца,громко шмыгнув носом.

-Папа!-смотрела она на него сквозь пелену слез,-Но он же.. Он умный!! Он как всегда найдет выход! Папа!!!-чуть ли не кричала девочка. Ее руки тряслись. Белов прижал ее к себе.

– Я БОЮСЬ, ПАПОЧКА, Я БОЮСЬ!!! ВДРУГ ОН УБЬЁТ МЕНЯ, МАМУ, ТЕБЯ...

"Ну вот... Вот и веселый день!"-подумал Белов,-"тварь, гад.. гад...надо было валить тебя там, скотина..."– Белов в буквальном смысле ходил с ума от ненависти,-"Нет, Смолин, ты у меня не выйдешь.. Ты будешь сидеть там до конца своей поганой жизни!"-думал полковник, успокаивающе поглаживая вздрагивающую всем телом дочь по спине,-"Такого как ты, казнить мало."

* * *

После оперативного совещания, на котором Белов поставил перед сотрудниками новую задачу вычислить главаря преступной группировки, совершившей рейдерский захват одного из столичных концернов, полковник вернулся к себе в кабинет, налил себе крепкого кофе и уселся за широкий письменный стол. Он не мог поверить, что на повестке дня больше не фигурирует вопрос найти и обезвредить Алексея Смолина. Дело Смолина закрыли, но с возвращением Леры, полковник осознал, что рано расслабился, утратив бдительность, праздную преждевременную победу. В глубине души внутренний голос предостерегающе нащёптывал держать ухо востро: преступник такого уровня, как Алексей Смолин никогда не сдастся, и успокоить его может только пуля в лоб. После того, как Вера прилетела из Канады, полковник для очистки совести оставил охрану, хотя, тревожное состояние не покидало его. Расширенные от страха глаза Леры, полные тревоги и пережитой боли, с надеждой смотрели на него, ища защиту и покровительство.

«А вдруг он придет в школу?? Вдруг он убьет меня? Убьет всех нас!!! Папа!» – Белов в сердцах стукнул кулаком по столу, опрокинув горячую чашку с дымящимся кофе. Даже находясь за решёткой, Смолил, по-прежнему, представлял серьёзную опасность не только для окружающих, но и для его семьи. Один раз ему удалось бежать, другого шанса он ему не предоставит.

– Я должен обезопасить свою семью. Горько признать, что совершил ошибку, не пристрелив его тогда.. но я исправлю эту оплошность, недолго тебе осталось, Смолин, это ты разбудил во мне зверя...

Прошипев сквозь зубы, Белов вскочил с кресла, одной рукой пытаясь спасти промокший ежедневник, другой нажимая кнопку селектора.

– Ира, я разлил кофе! – сдержанно проинформировал он, направляясь к входной двери, где нос к носу столкнулся с майором Денисовым.

«Зря Вы не пристрелили его, Павел Дмитриевич!» – так некстати вспомнил Белов слова майора, и по лицу его скользнула тень внутренней борьбы.

«Я заберу всё, что у тебя есть, шахматист!»

– Пойдём, разговор есть! – Полковник, выглядевший мрачнее тучи, властно развернул Денисова обратно к двери и вышел в коридор, игнорируя появление Ирины, вооружённой внушительных размеров тряпкой.

* * *

Смолин отсутствующим взглядом смотрел сквозь решётки на затянутое грозовыми тучами, небо. Его давно перевели из больницы в СИЗО, так что теперь жизнь превратилась в череду бесконечных терзаний. Случилось то, чего он больше всего боялся и не мог допустить не при каких обстоятельствах – потеряв всё, он оказался за решёткой, в одиночной камере, без права на свидания и амнистию.

«Никогда не попадайся, Алекс!» – вновь рефреном всплыли в его мозгу слова деда.

– Чёрт... – Алексей хрипло кашлянул, – попался, сука, сука...

Предстоял «этап», а потом... потом он окажется в камере «Чёрного Дельфина», потянутся безрадостные, полные беспросветной чернухи дни, наполненные ожиданием и тревогами.

«Не подкачай, Зима, давай же!» – Смолин хмыкнул.

Его мало волновало, каким образом легионерское братство обеспечит ему побег. Видения и Галлюцинации прекратились, но на смену угрызениям совести пришла безумная тревога за сына. Смолин отдавал себе отчёта в том, что сломал ему жизнь, но тоска по единственному ребёнку съедала его целиком и без остатка.

«Ничего, чертёнок, выйду отсюда, заберу тебя, и мы уедем, далеко-далеко: ты, я и Круглый с Зимовский...»

С воспоминаний о сыне он вдруг вспомнил полные слёз глаза дочери Белова, а затем, красивые, блестящие, с дымчатым отливом, Натальи Кравцовой.

– Сука, недолго тебе осталось...»

Внезапно его, словно током шлёпнуло.

«А не она ли заказала меня?» – это озрение раскрыло ему глаза.

«Ну, конечно, больше не кому, это она подложила закладку под водительским сидением! Тварь, наняла профессионалов, действовала втихоря за спиной Белова! Как же я раньше не догадался! Ты забрала у меня Нику – я заберу у тебя жизнь! Совсем скоро ты заплатишь по счетам, сука!»

* * *

Стрелка настенных часов остановилась на 12-ти, когда щелкнул дверной замок, и он вошел в квартиру – очередное временное обиталище. Постоянной прописки Дмитрий не имел, эта «хата» была очередным местом дислокации – стандартный образ жизни профессионального килВера.

– Алекс, как же так... – пробормотал Зимовский, проходя на кухню.

Никогда ни к кому и ни к чему не привязываться – ни к людям, ни к вещам – таков закон его существования, однако, Смолин для него был единственным, к кому он испытывал достаточно сильную эмоциональную привязку.

Сквозь небольшую шелку в плотно закрытых жалюзях осмотрел окрестности – хвоста нет, кукушки (снайпера) тоже не видно. Открывать холодильник особого смысла не было – там давно уже повесилась мышь...

– Черт, такие бабки получаю, а пожрать нормально не могу купить.

Распахнув дверцу, он все-таки нашел закатившуюся в дальний угол бесполезной морозо-вырабатывающей железяки банку пива, с удовольствием прицокнул и, зайдя в комнату, плюхнулся на диван.

На вид ему было около тридцати лет. Среднего роста, худощавого, но крепкого телосложения – можно было с уверенностью сказать, что сделан он из стальных мышц. Светлый шатен с цепкими внимательными серыми глазами, смотревшими на окружающий мир с легкой усмешкой. Своё настоящее имя он специально забыл, а новое, Дмитрий Зимовский, сообщил при поступлении во французский легион.

– Ничего, прорвёмся...

Дмитрий понимал, что взявшись за дело «Чёрный Ферзь», он собственноручно перечёркивает свою карьеру профессионального килВера.

«Что я здесь имею? А что там буду иметь? Так или иначе, настало время перемен! Права была Мышь, когда говорила: «Глупец тот, кто стоит на одном месте!». Открыв пивную банку, Дмитрий включил ноутбук – проверить почту.

Из всех виртуально-социальных средств общения он пользовался лишь аськой под смешным для такого образа жизни ником «ромашка». Мигнул значок сообщения, сделав глоток холодного пойла, Дмитрий открыл вкладку:

«Сегодня.21.00. Арарат. 5 столик»

И больше ничего лишнего. Все посредники, которые пользовались услугами килВера «ромашки», писали максимально лаконично. Заказчики не знали, как связаться с ним, а посредники за такие услуги получали вполне кругленькие суммы – ведь Зимовский, он же Зима, считался в своих кругах лучшим киллером.

Приехав к назначенному времени, Дмитрий, квакнув сигнализацией, вошёл в здание ресторана «Арарат», проходя к пятому столику. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять – перед Зимой был непосредственно сам заказчик, никто иной, как один из самых влиятельных криминальных авторитетов Москвы. Не спрашивая разрешения, Зима сел напротив.

– Слушаю, – перешёл сразу к делу Дмитрий.

– Мои парни немного промахнулись, выполняя один заказ, – авторитет досадливо нахмурился, отодвигая бокал с вином.

– Понимаю, наносит урон Вашей деловой репутации.

– Именно, – авторитет пододвинул заклеянный скотчем конверт.

– Там фото, на обратной стороне номер ячейки в камере хранения и сумма аванса.

– Отлично, как спрочно я должен выполнить заказ?

– Мне характеризовали Вас, как профессионала высокого уровня, – ограничился ответом авторитет, из чего Зимовский сделал неутешительный вывод, что тот очень спешит с «ликвидацией» объекта.

– Понял, дело не терпит отлагательств.

– Я рад, что мы с Вами пришли к общему знаменателю.

Дальше, вор в законе самого высокого эшелона, поднялся с места, положил на столик купюру, номиналом в тысячу рублей, и, не удостоив Дмитрия даже взглядом, направился к выходу, окружённый с двух сторон быками-охранниками.

– И Вам доброй ночи, – Зимовский проводил его задумчивым взглядом, удивляясь столь неожиданному повороту событий.

«В принципе я всегда могу отказаться, правда, бабки лишними не бывают, а пару недель Алекс может и подождать!»

Побарабанив пальцами по столу, Зимовский открыл конверт, двумя пальцами вытаскивая фотографический снимок.

– Чёрт подери, – присвистнул Дмитрий, сдвинув брови на переносице.

С фотографии на него смотрели слишком знакомые, нереальной красоты глаза, с горящим в них лидерским бесовским огоньком.

«Алекс, Алекс... кому же ты так дорогу перешел», – Зима перевернул фото и вторично присвистнул.

«Пятьдесят тысяч евро. Не хило так перешел, даже перебежал. Значит правильные твои догадки! Что же, это нам только на руку!!! Всё решил случай, глуп тот конь, кто щиплет траву на выжженной земле!»

Привычно щелкнув зажигалкой, поджег край фото и немного подержал на весу, пока пламя не коснулось кончиков пальцев, опустил в пепельницу – секунду посмотрел на догорающие черты лица, задумчиво поднялся и направился к выходу. Предстояло ещё одно, не терпящее отлагательств дело.

* * *

Шикарный, новый, белоснежный «Мерседес» представительского класса, выехал на магистраль, разгоняясь до максимально допустимой скорости. Езда от офиса до загородного дома, составляла примерно минут пятьдесят при условии отсутствия пробок, и Кравцова, включила музыку, в надежде немного расслабиться. Оправившись после ранения, она была полна кипучей энергии, с головой погружившись с бизнес. Пройдя курс у психолога, Белова избавилась от гнетущего её чувства вины за жизнь Вероники Фазановой, а возвращение Леры оказало ещё большее плодотворное влияние на исцеление души жены полковника. Вид счастливого мужа и улыбающейся дочери за партией в шахматы, действовал лучше всякого лекарства. Наталья уменьшила громкость магнитолы и включила громкую связь в салоне, набирая номер своего делового партнёра. Мелкий противный дождь, зарядивший с утра, немного действовал ей на нервы, и она в сердитых тонах отчитала компаньона, досадуя на то, что приходится объяснять прописные истины такому зубру, как он.

Внезапно тревожное предчувствие надвигающейся беды навалилось на неё, деморализуя волю и лишая способности адекватно думать. Дождь усилился, и «дворники» без устали очищали стекло, двигаясь туда-сюда как заведённые. Наталья, отсоединив связь, лишь на миг ослабила контроль за дорогой, но так или иначе, могла побиться об заклад, что ещё секунду назад на шоссе не было одинокой мужской фигуры в надвинутом на глаза капюшоне. Посигналив, Наталья увидела, как мужчина, не обращая внимания на сигнал клаксона, сутулясь, шагнул прямо под колёса «Мерседеса».

«Обкурился или под дозой!» – успела подумать Наталья, выкручивая руль вправо и нажимая на тормоза. Последнее, что увидели расширенные от ужаса глаза Натальи, это фонарный столб. Следовавший сзади джип на всём ходу врезался в «зад» «Мерседеса», впечатывая его «носом» в столб. Последнее, о чём подумала Наталья в своей жизни, это почему не сработала подушка безопасности.

Известие о гибели жены застигло Павла Дмитриевича в дороге.

– Нееееет! – дурным голосом заорал Белов, теряя управление. Машину занесло влево, колёса пробуксовали, полковник на автомате вывернул руль, резко ударив по тормозам, выскочил из салона и, упав на колени, прямо в лужу, прокричал, бессильно стукнув кулаками по асфальту.

– НEEEEEEEEEEEEЕЕТ!

* * *

Вот уже два дня Анжелика Рязанцева не находила себе места, вспоминая судьбу, надтреснутым, лишённым эмоций голосом, зачитывающего приговор: «... приговаривает Смолина

Алексея Владимировича, одна тысяча девятьсот семьдесят восьмого года рождения, к пожизненному заключению с отбыванием наказания в закрытой тюрьме «Чёрный дельфин» с полной конфискацией имущества. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит...»...

Вторую ночь впечатлительная Анжелика просыпалась в холодном поту, вспоминая Алексея, в сопровождении конвойных выходящего из зала суда. С прямой спиной, несгибаемый, с заведёнными за спину руками, он даже не взглянул на неё, и тем более не мог заметить, как сухие блестящие глаза девушки подёрнулись пеленой непрошенных слёз.

Лику колотил озноб. Взятка судье не возымела нужного действия: вместо оплаченного «Владимирского Централ» Алексея повезут в Соль-Илецк. Про зону «Чёрный Дельфин» разве что легенды не слагали. За всю историю существования знаменитой тюрьмы, отличавшейся от других суровыми условиями содержания заключённых, оттуда до сих пор ни одному из них не удалось совершить побег.

Вторым ударом был состоявшийся накануне суд над другом и поделником Смолина, Никалием Круглыйовым. На первый взгляд ничего страшного: приговор – зеркальный тому, который вынесли его другу и патрону – пожизненное заключение с конфискацией имущества, за исключением того, что Круглого перевезут не в Соль-Илецк, как Смолина, а в Соликамск, в не менее знаменитый «Белый Лебедь».

Лица, спустив босые ноги с кровати, сдерживая глухой стон, встала на одну ногу, пытаясь избавиться от судорог. Когда боль стихла, она в ярости зашвырнула тапки под кровать и прошла на кухню, где, не зажигая свет, выдула целый графин клюквенного морса.

– Лёшенька... я с тобой, с тобой... – тихо сказала она, подходя к окну и отодвигая занавеску. Лунный свет, тихий и печальный, высветил осунувшееся лицо Рязанцевой. Дрожащей рукой она набрала номер отца, но бездушный робот известил её о том, что абонент выключен или находится вне зоны действия сети. Она горько вздохнула, роняя робкую слезинку на атласную ткань рубашки. Завтра Смолина «пустят по этапу» в Соль-Илецк, Круглыйова следом за ним повезут в Соликамск, и пути-дороги двух преступников разойдутся, для того, чтобы никогда уже не пересекаться. Рязанцева не понимала, каким образом им с отцом удастся организовать побег сначала Алексею из «Чёрного дельфина», а затем Круглыйову из «Белого Лебеда», как и то, почему она без памяти влюбилась и в который раз Анжелика наступала на одни и те же грабли,

– Мамочка, почему так, почему! – она уселась на подоконник, натянула ночную рубашку на голые колени, проклиная и вместе с тем восхваляя тот день, когда впервые увидела чёрные как смоль магнетические глаза Алексея...

* * *

Бомжевал Артамонов Евгений Антонович на своей памяти последние десять лет. Вечно мёрзнувший, голодный, но всё такой же весёлый, как и в бытность крупье одного из столичных подпольных казино, он шёл и насвистывал под нос какую-то арию из водевиля. Артамонов любил гулять в парке после того, как над городом сгущались сумерки – идёшь себе, думу думаешь, в урны заглядываешь.

Кстати, в московских урнах чего только Артамонов не находил – и сотовый телефон и кошелек, правда пустой, и недоеденный завтрак из «Макдональдса».

Споткнувшись обо что-то большое и внушительное, Евгений Антонович, близоруко шурясь, склонился над лежащим бревном и стал с любопытством шарить руками впотьмах. Что-то мягкое, шершавое, приятно защекотало его пальцы. Перевернув бревно, Артамонов отшатнулся, плюхнувшись на пятую точку. С бледного как полотно лица смотрели остеклевшие серые глаза.

«Вот те раз, второй покойник за месяц!» – Артамонов отполз подальше, истово перекрестившись. Перспектива снова давать показания полицейским ему не улыбалась. В тот раз его промурыжили часа три, заставляя по сотому разу рассказывать, как он нашёл тело той смазливой блондинки, но любопытство взяло верх над осторожностью. Опасливо оглядываясь, Артамонов профессионально, не хуже любого карманника, исследовал содержимое карманов трупа, стараясь не смотреть на залитую кровью рубашку убитого. В кармане он нашёл шикарное мужское портмоне, набитое кредитными картами, пятьсот евро, десять тысяч рублей, водительское удостоверение на имя «Рязанцева Ираклия Вениаминовича» и ключи с брелоком от машины. Засунув кошелек к себе в карман, Артамонов, вскочив на ноги, ещё раз перекрестился и, трусливо оглядываясь, растворился в ночи.

* * *

Смолину не спалось. Узник сидел на нарах, сцепив руки, закованные в браслеты, в замок и в глубокой задумчивости смотрел прямо перед собой. «... День простоять и ночь продержаться...» – он усмехнулся, вспоминая слова Младшего. Руки сводило судорогой от застоя крови, но Смолин привычно гасил боль, отрешённо думая о чём-то своём. Накануне перед этапом чекисты так перебдели, что даже не удосужились отомкнуть наручники, лишая заключённого возможности самостоятельно сходить в туалет. Алексей подозревал, что в этом заслуга самого Белова. Теперь, когда ему припирало сходить по нужде, он вынужден был, как последняя замшелая отморозь ждать прихода «смотрящего», который под дулом автомата, в компании с другим вертухаем, отщёлкивал «браслетки» и разрешали справить нужду.

«Шахматист, недолго тебе осталось! Отыграюсь, слово даю. Ты пожалеешь, что родился на этот свет, обещаю тебе! Твоя жена – это прелюдия.»

Мысли постоянно лезли в голову, мешая отдохнуть и привести в порядок изрядно истрепавшиеся нервы. Завтра его пустят по этапу и привет, Соль-Илецк! Алексей скрипнул зубами, с такой силой сжав кулаки, что побелели костяшки пальцев. Его вымораживала одна лишь мысль, что ему придётся, пусть на время, опуститься на самое дно. Всё, что Смолин знал про закрытую тюрьму «Чёрный дельфин» это было то, что ни одному из «зэков» так и не удалось «соскочить» оттуда не смотря на все старания.

«СУКА!» – выругался Смолин, звякнув наручниками.

Алексей ненавидел не только тюрьмы, зоны и прочие следственные изоляторы, опутанные обманчивым ореолом тайн, воспетых в блатном шансоне, но и всю ненавистную ему систему. Жить по расписанию было для него подобно смерти: расчерченное на квадраты звёздное небо, солнечный зайчик на стволе винтовки часового, караульный на вышке, остервенелый лай собак, лязганье тюремного замка.

Алексей содрогнулся, представляя, какой ад придётся пережить ему в колонии, пока Зимовский не найдёт способа вытащить его оттуда. Он знал, что жизнь после того, как заключенный попадал на зону, разграничивалась на «до и после». До – мираж, обман, а после – яма, длинную в бесконечность. Время не просто замедляло свой бег, оно замирает, как в сказке Льюиса Кэрролла, когда на часах всегда фэйв о клон. . . Каждый, кто оказывается за колючей проволокой «Чёрного дельфина» – автоматически становится невозвращенцем. . . Он либо сходит с ума, либо его убивают сокамерники, или же погибает, выхаркивая с кровью свои лёгкие.

Смолин слышал, что в камере «Дельфина» находятся по два-четыре человека. При выходе из камеры под конвоем, за заключённым следует кинолог с собакой. Подъём в 6 утра. . . Изнуряющий тяжёлый труд, а при переходе из одного корпуса в другой корпус заключённым надевают повязку на глаза. Минимальное количество конвоиров, сопровождающих заключённого – три человека и кинолог с собакой. Каждые 15 минут по камерам проходят дежурные. Какой к чертям собачий план Зимовского?

Что может быть губительнее для него, чем жизнь в камере размером 4,5 квадратных метра, в компании сокамерников, чьи физиономии изборождены злобой и отчаянием, а души вывернуты наизнанку. Стать таким же, как и все, с серым землистым лицом, давящимся туберкулезным кашлем до кровавой мокроты?

«Выход там же, где и вход!» – повторил Алексей, словно заклинание, слова Коли Смолы, утешая самого себя.

«Там же, где и вход. . .»

* * *

Шавка всегда тявкает беспричинно, но если ей показать внушительную кость – становится более покладистой. Зима знал, как следует обращаться с информаторами – напугать и приласкать одновременно – вот хозяйская рука, дающая кусок мяса, и в то же время рука, которая может наказать. Кнут и пряник. Держи шавок в страхе, чтобы не вякали лишнего, и подкармливай, когда хочешь, чтобы они неплохо поработали на тебя.

В голове давно созрел план: во что бы то ни стало устранить всех тех, кто в криминальном мире имел зуб на Смолина, и перевести стрелки на других, чтобы самого не спалили. Если не устранить их сейчас, то они и на зоне до Лёхи доберутся – там у них власти еще больше, чем на воле. Зима уже знал, что скоро Смолина пустят по этапу, эту информацию со счетов сбрасывать нельзя – чем ближе этап, тем меньше времени на устранение врагов.

Зима думал только об одном – с кого начать. Был авторитет и трое его приближенных, которые знали о деле Смолина. Если убрать сначала шестерок – то вполне возможно, что главный насторожится и усилит охрану. Нет, конечно же, килВера не волновали сложности, для него любая охрана не была помехой, просто тогда его план мог затянуться на неопределенное время, что было чревато неприятными последствиями. Убрать главного – вот цель номер один. А потом уже не торопясь можно заняться чисткой его окружения – вряд ли они после смерти лидера будут покушаться на Смолина, да и вообще вряд ли будут что-то предпринимать в отношении него, но их излишняя осведомленность о Лёхе предопределила их дальнейшую судьбу.

Закинув руки за голову, Дмитрий лежал на диване, глядя в потолок. Завтра он намерен нанести первый удар. Механизм слухов и сплетен уже был запущен. Дезинформировать противника – лучшая тактика ведения войны. Эта тактика поможет ему отвести подозрение от самого себя. О фотографии в конверте знал наверняка он и заказчик, остальные были не в курсе того кто избран в качестве исполнителя, что было на руку Зимовскому. Наутро у него была назначена встреча с проверенным временем поставщиком оружия. На обед сама операция. Дмитрий всегда просчитывал каждый свой шаг – не должно быть никаких непредвиденных ситуаций – все четко распланировано по минутам, даже по секундам. Упустить одну секунду для килВера – то же самое что упустить свою жизнь. Один неверный шаг и ты труп.

А еще Дмитрий знал, что в той жизни, которую он выбрал себе, нет места эмоциям. Поддавшись эмоциям, ты можешь упустить ту самую жизненно-важную секунду. Не думай лишнего во время операции – действуй четко на автомате.

На мгновение из памяти вновь всплыла картинка из прошлого. Он никогда не забудет тот день, когда Смолин во второй раз спас ему жизнь.

«Буду должен, брат», – шептал он окровавленными губами, понимая, что рано или поздно, возможно даже не в этой реинкарнации, настанет тот день и час, когда он сможет отплатить Алексею Смолину той же монетой, жертвуя своей собственной судьбой ради его спасения.

Дмитрий знал наверняка, где будет авторитет именно в это время. Впервые за свою карьеру работал в маске. Заранее пробрался на крышу дома, из которого мог свободно вести обстрел

Когда машина въехала во двор, телохранители плотным кольцом обступили вышедшего из салона клиента. Такой поворот мог смутить кого угодно, но не Зимовского. Доля секунды – на землю полетела граната, сопровождаемая громким криком «Ложись!». Охрана тут же повалила авторитета на землю. Телохранители легли по бокам от него, закрывая своими бронежилетами от гранаты. Они ждали взрыва, не поднимались. Никто и подумать не мог, что «гранатка» окажется без запала. Неподвижный клиент лежал на земле – такой мишени желал в своей жизни любой снайпер – открытая и недвижимая. Зимовский достал его сверху. Быстро. Профессионально. Без лишней суеты. Настоящий спец.

Усмехнувшись, «Ромашка» разобрал винтовку, сложил ее в спортивную сумку, после чего спокойно вышел из подъезда с другой стороны от двора, где, проходя мимо мусорного контейнера, с улыбкой выбросил сумку.

«1:0, товарищи... 1:0...»

Со смертью жены жизнь Белова практически потеряла смысл. Мать, с которой в последнее время у него были сложные, натянутые отношения, находилась при дочери неотлучно, но чем могла помочь пожилая женщина бьющейся в истерике внучке?!

«Я умер...» – стенобитной машиной стучала в голове одна-единственная мысль. Не в состоянии находиться в доме, где всё напоминало ему о Наталье, Белов, вероятнее всего, спился бы, но любовь к дочери держали его на плаву, не позволяя окончательно сойти с ума.

«Почему, Наташка, как же так...»

Павел вскочил с места, схватил стоящий на столе портрет покойной жены, всматриваясь в до боли желанные черты лица.

«... несчастный случай... не справилась с управлением... примите наши соболезнования...»

– К ЧЁРТУ ВАШИ СОБОЛЕЗНОВАНИЯ, – Белов рухнул на колени, раскачиваясь из стороны в сторону.

– Наташа, почему, почему ты оставила меня, сейчас, когда Смолин скоро окажется за решёткой, почему...

«Верочка, мама... наша мама...»

«Я ЗНАЛА, ЗНАЛА, ПАПА, ОН УБИЛ ЕЁ, ПАПА, Я ЗНАЛА!» – орала дочь, с совершенно безумными глазами бросаясь на него с кулаками.

«ПОЧЕМУ, ПАПА, ПОЧЕМУ ОН УБИЛ ЕЁ!»

– Я СОЙДУ С УМА, – пошатываясь, полковник ухватился за край стола, на котором стояла чашка с недопитым кофе, а рядом начатая бутылка виски.

– Плохо, без тебя, плохо, – Белов, по стеночке добравшись до кровати, рухнул лицом в низ, совершенно не стесняясь своих слёз.

– Почему... – прошептал он, но ответом ему была гробовая тишина, царившая в его загородном коттедже.

Нутром Белов чувствовал причастность Смолина, но даже если в аварии не было его прямой вины, именно с того самого момента, ограбления Волгоградского банка, после задержания криминального гения в аэропорту, и началось чёрная полоса в жизни полковника.

Он лежал без сна, наглотавшись корваллола, перед глазами мелькали видения – Артём, Даша, Юлия и она, Наталья. На ум приходили слова Смолина: «Я заберу у тебя всё». Раз за разом он прокручивал их диалог после того как он прикончил его брата и каждый раз пытался убедить себя в невиновности Смолина.

«Завтра он идёт по этапу. Из «Чёрного дельфина» еще никому не удавалось совершить побег. Шах и мат. Смолин в Соль-Илецке, но отчего так тревожно сжимается сердце?»

Промучившись до утра, Павел Дмитриевич и сам не заметил, как заснул. Во сне Белов снова увидел Смолина.

Как-то слишком уж отстранённо полковник наблюдал за тем, как Смолин поднимается по трапу самолёта, а через несколько мгновений стальная птица скрывается за горизонтом, унося Чёрного Ферзя в заоблачные дали. Там же, среди облаков, далеко за горизонтом, он увидел её, единственную и любимую, ту, которая никогда больше не улыбнётся и не позовет ласково «Белов, очнись, заработался!».

Наташа шла медленными шагами, опустив голову, в ореоле слепящего белого света, ступая осторожно, как по минному полю. Даже во сне Белов ощущал, как гулко колотится его сердце. Он хотел двинуться ей навстречу, но словно врос в землю, не в силах ступить ни шагу.

Наталья, подойдя вплотную к полковнику, подняла на него грустные глаза и тихо сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.